

КАТЕГОРИЯ КОММУНИКАЦИИ В РЕШЕНИИ ПРОБЛЕМЫ СУЩНОСТИ ЧЕЛОВЕКА

О.И. Муравьева (Томск)

Аннотация. Обосновывается представление о трех составляющих сущности человека: «природа человека» (наличное), «смысл, или идея человека» (должное), «пути реализации смысла человека» (возможное). Подробно анализируя последнюю составляющую, автор утверждает, что в качестве конкретного психологического процесса, в рамках которого происходит реализация смысла человека (становление человека), выступает процесс коммуникации.

Ключевые слова: сущность, сущность человека, природа человека, смысл человека, коммуникация, транскомуникация.

1. Проблема сущности человека в психологии и философии

В соответствии с традицией дифференциации научного знания сама категория «сущность», так же как и проблема сущности человека, ставилась в рамках философии, но не психологии. Однако психологи, не формулируя ее как специальную проблему, тем не менее не могли обойти ее стороной. Это выражалось в поисках тех психологических свойств, структур, динамических особенностей, которые отражают специфику человека. Попытки построить психологию «с человеческим лицом» привели к возникновению не только большого количества частных концепций, моделей и теорий, но и целого ряда глобальных психологических школ и направлений (культурно-историческая психология Л.С. Выготского, гуманистическая психология, экзистенциальная психология, субъектно-деятельностный подход С.Л. Рубинштейна и др.). Можно наблюдать, что научный поиск и современных исследователей-психологов, как зарубежных, так и российских, идет все в том же направлении: нахождение, определение и изучение «человеческого в человеке».

Фактически речь идет о выделении существенных именно для человека (в отличие от вещей и других живых существ) психологических особенностей, свойств, структур, т.е. сущностных человеческих атрибутов. Таким образом, можно констатировать, что, с одной стороны, в научной психологии уже к концу прошлого столетия реально, в соответствии с логикой исследований, назрела проблема определения того, что же собой представляет сущность человека. С другой стороны, необходимость придания психологической легитимности категории «сущность человека» требует и формальной логики. В.И. Слободчиков буквально «математически» обосновывает это: «...даже если согласиться, что человеческая психика – это свойство человека, то по самой логике рассуждения следует: понять это свойство (выразить его в понятиях), можно лишь имея хотя бы минимальное представление о сущности того, свойством чего оно является. Иными словами, психология должна иметь (или строить) собственное представление о сущности человека, дабы мочь что-то сказать о его свойствах...» [12. С. 63].

Важно также отметить, что и среди философов растет понимание того, что центральная проблема современной философии – это прежде всего проблема человека в самом широком смысле. Это значит, что философия призвана не только изучать эту проблему как «свою», но и разрабатывать именно те философские категории, которые имеют прикладное значение для других наук о человеке, в том числе и психологии. Безусловно, к таким категориям относится и такая «древняя» философская категория, как «сущность». Г.Л. Тульчинский пишет: «Вопрос о природе, методах и способах фиксации и выражения сущности как целостного единства существенных (необходимых) свойств предмета в настоящее время приобретает не только философски методологическое, но и непосредственно прикладное значение. Так, развитие эмпирических исследований в социологии, лингвистике, психологии, этнографии, антропологии и других науках выявило недостаточность традиционного классификационного анализа явлений, нейтрального к существенности свойств, берущихся в качестве оснований классификации. Испытывается острая потребность в обосновании процедур не раздельного и последовательного рассмотрения свойств, а выделения единого комплекса свойств, существенных для данного предмета познания» [13. С. 114]. В классической философии сущность (лат. *haecceitas* – этовость) определяется как «совокупность существенных свойств и качеств вещи, субстанциональное ядро самостоятельного сущего» [9. С. 1008], т.е. имеет место быть субстанционалистское понимание сущности как первоначала, как того, что существует «само по себе».

Если же обратиться теперь к представлениям современных психологов о первооснове, первоначале сущности человека, то здесь можно встретить противоречащие друг другу идеи. Так, А.Б. Орлов, ставя вопрос о том, что в человеке является подлинным субъектом, в качестве определения этого подлинного субъекта привлекает категорию сущности. «Для обозначения данного субъекта как трансперсональной (т.е. за- и внеличной и, следовательно, за- и внесоциальной) психической реальности мы, вслед за Г.И. Гурджиевым и его последователями, используем термин «сущность» («essence»)» [10. С. 14]. Причем автор настаивает на предельно высоком понимании сущ-

ности. «Если главная характеристика личности – ее атрибутивность, то главная «особенность» сущности – отсутствие каких-либо атрибутов. Сущность – источник всех и всяких атрибутов» [10. С. 14].

Другое понимание первоосновы человека формулирует Б.С. Братусь. «Вертикаль души раздираема и подвижна непримиримым в этой жизни до конца противоречием. В философии оно нередко означает как родовидовое, как противоречие между безграничностью, безмасштабностью, трансцендентностью человека как представителя рода человеческого и одновременно его явной ограниченностью, хрупкостью, конечностью как конкретного индивида... Эти два разнонаправленных вектора – к бесконечному, вечному, горнему и конечному, ограниченному, дольному – по-разному преломляются, вмещаются в человека в зависимости от его наличной духовно-психологической структуры» [1. С. 45].

Внимательное рассмотрение приведенных выше идей позволяет увидеть не только противоречия между ними, но и внутреннюю противоречивость каждого из них. Если следовать логике А.Б. Орлова о том, что сущность есть «источник всех и всяких атрибутов», то нельзя не согласиться с тем, что именно сущность является источником как «высокого, духовного» в человеке, так и «низкого, телесного». Человек есть и то и другое одновременно. Но тогда как же быть с другим утверждением автора о том, что сущность есть «источник силы и мудрости»? Здесь наблюдается явное логическое противоречие. Подобное же логическое противоречие можно усмотреть и в идеях Б.С. Братуся. Если человек «отчасти божество, отчасти животное; отчасти бесконечен, отчасти конечен», то откуда берется «необходимость находить все новые, более высокие формы единства с природой, своими близкими и самим собой»?

Чтобы разрешить эти противоречия, надо вновь обратиться к философии. Думается, что прежде всего необходимо преодолеть субстанционалистское понимание «сущности» и одновременно ввести разделение понятий «сущность» и «природа» человека. С точки зрения субстанциалистского подхода к человеку, стремящегося найти неизменную основу его существования, «сущность человека» и «природа человека» – однопорядковые понятия. Однако если использовать другие подходы, то различие между этими понятиями станет очевидным. «Природа человека» – это та ситуация, в которой находится каждый человек, это его «стартовые условия», это уникальное в своей противоречивости единство разнонаправленных векторов развития, потенциальных возможностей и ограничений.

В понятии природы человека отсутствует нормативность, оно характеризует человека с точки зрения «сущего». Но тогда что понимать под понятием

«сущность человека»? Ответ на этот вопрос мы можем найти в постмодернистских течениях второй половины XX в. с их идеями о плюрализме, незаданности, открытости, «равновесии многообразия в единстве», а также в «абсолютной мифологии» А.Ф. Лосева. В этих философских системах понятие сущности или вытесняется такой категорией, как «смысл», или же определяется при помощи нее. Так, А.Ф. Лосев пишет: «Под сущностью мы понимаем смысл, значение, ответ на вопрос «Что это такое?»». Если нам нужна, напр., сущность дома, то она будет заключаться в том, что это есть сооружение, предназначенное для защиты человека от атмосферных явлений. Если нам нужна сущность сапога, то она есть кожа, обработанная так, чтобы служить человеку для защиты ног от холода и ушибов и т.д. Сущность эту можно назвать и смыслом, значением, идеей» [8. С. 464]. И далее: «Сущность есть такое бытие, которое всегда что-нибудь требует о нем признать, в то время как чистое бытие ничего не требует, а кто-то посторонний (напр., я, мы, вы) усматривает то, что ему необходимо для его определения. Сущность есть выраженное требование у бытия признавать его таким, а не другим. Поэтому чистое бытие как бы гаснет перед чистой сущностью; мы на него уже не обращаем внимания, так как всецело заняты именно сущностью» [8. С. 465].

Из приведенных выше цитат ясно усматривается, что в философской категории «сущность» выделяются уже не только онтологические, но и теле- и аксиологические аспекты. Эта идея получает свое продолжение и развитие в представлениях современных философов. Так, Г.Л. Тульчинский утверждает следующее: «Познание предмета связано с раскрытием его объективных свойств, его сущности... Именно раскрытие сущности предмета определяет осознание его «сделанности» как центрального момента познания и осмысления. Только следуя логике этой сущности, человеческое сознание способно к формированию идеи – наиболее зрелой и развитой формы осмысления, в которой соединяются в едином интегральном синтезе знание, представление об идеальном (нормативном) образце и программа его реализации. С развиваемой точки зрения идея сущности предстает как синтез знания истины, должного и возможного» [13. С. 129]. Прилагая эту формулу к понятию «сущность человека», можно сформулировать следующее представление: идея сущности человека есть синтез трех компонентов: 1) природы человека; 2) смысла, идеи, «замысла» человека; 3) путей реализации этого замысла.

Содержание первых двух составляющих достаточно подробно исследовано в психологии. Л. Хьелл и Д. Зиглер [17] отмечают, что любая более или менее целостная модель или теория психологии человека всегда исходила из имплицитных или эксплицитных

представлений автора о природе человека. Несмотря на то, что эти представления сильно отличались друг от друга, в них можно усмотреть, по крайней мере, один общий момент: практически все теории строились исходя из тезиса о противоречивости человека, имманентной внутренней конфликтности его развития и существования. В истории психологии это выражалось в дихотомиях бессознательное – сознательное, природное – социальное, натуральное – культурное, телесное – духовное и т.д.

Что же касается второй составляющей, которая обозначена семантическим рядом «смысл», «идея», «значение», «замысел» человека, то на начальном этапе развития психологии эта проблема разрабатывалась в контексте проблемы достижения психического здоровья (психоанализ) как преодоления изначальной иррациональности человека. Возникшая в середине XX в. гуманистическая психология, уходящая корнями в европейскую экзистенциальную философию, положила начало новому, неклассическому, представлению о глубинной сущности человека как существа активного, творческого, свободного и ответственного. Отмечая непреходящий вклад в науку достижений тех «психологий», которые были созданы в рамках гуманистического, экзистенциального, трансперсонального подходов, многие современные исследователи [1, 21 и др.] видят их некоторую методологическую ущербность, выразившуюся в абсолютизации развиваемых идей¹ и одностороннем, пусть даже и «высоком», взгляде на человека. Эта односторонность, с одной стороны, привела к явным противоречиям внутри самих теорий, с другой – выразилась в несоответствии основных положений большому количеству эмпирических фактов, поставляемых клиническими исследованиями. Эти методологические просчеты обусловили упрощение проблемы соотношения природы и сущности человека, поставив между этими понятиями знак равенства. Однако, несмотря ни на что, в качестве безусловно позитивного теоретического вклада этих теорий можно назвать разработку содержательных представлений о «должном» в человеке, об «идее» человека и смысле человеческого существования.

В отечественной психологии это же направление исследований было реализовано С.Л. Рубинштейном, который существенно дополняет вышеприведенную характеристику, введя параметр «отношение к человеку» и тем самым снимая налет эгоцентризма и индивидуализма в понимании человека западными психологами. «...Первейшее из первых условий жизни человека – это другой человек. Отношение к другому человеку, к людям составляет ткань человеческой жизни,

ее сердцевину. «Сердце» человека все соткано из его человеческих отношений к другим людям; то, чего оно стоит, целиком определяется тем, к каким человеческим отношениям человек стремится, какие отношения к людям, к другому человеку он способен устанавливать [11. С. 262–263]. Таким образом, «сущность человека» как понятие из мира должного – это притягательный образ «сверхчеловека», это образ Божий, который может и должен стать ценностным ориентиром человека, свободно совершающего свой жизненный выбор. Такое понимание сущности человека привело к тому, что проблема существования человека и в философии, и в психологии решалась в логике и диалектике выбора человеком вектора, направления своего существования в модусах сохранения (гомеостазис) и развития (транзистазис). Эти представления стали доминирующими в психологии начиная со второй половины прошлого века и реализуются в многочисленных и разнообразных теоретических концепциях и эмпирических исследованиях отечественных и западных психологов.

Очень коротко изложив сложившиеся в психологии взгляды на «природу» и «смысл» человека, перейдем к анализу третьей составляющей «сущности» человека, а именно *путей* реализации, воплощения «смысла», «идеи» человека. Думается, что именно эта составляющая должна стать и, более того, уже становится основным предметом исследований современного постнеклассического этапа развития психологии [1, 3, 4, 21]. Современная психология приходит к пониманию того, что именно коммуникативные процессы (коммуникация, общение, взаимодействие) являются теми психологическими детерминантами, которые проявляют, реализуют, осуществляют сущность человека в процессе жизни. Несмотря на то, что само понятие коммуникации традиционно принадлежало области социальной психологии, «общие» психологи не могли обойтись без этого процесса при объяснении самых различных общепсихологических явлений: коммуникативные процессы явно или неявно «присутствовали» практически во всех общепсихологических концепциях под самыми различными именами: социальность, общественные отношения, совместная деятельность и т.п. (в отечественной психологии); забота, внешний контроль, обусловленное внимание и т.д. (в западной психологии). В результате этого к концу XX столетия необходимость введения понятия коммуникации в тезаурус общей психологии становится уже полностью осознанной. Так, в 1984 г. Б.Ф. Ломов пишет: «Представляя собой существенную сторону реальной жизнедеятельности субъекта, общение выступает поэтому и в роли важнейшей детерминанты всей

¹ Подобного рода абсолютизация, доведение до предела той или иной точки зрения – неотъемлемый этап развития научной мысли. Пожалуй, самым ярким таким случаем в истории психологии является научная судьба классического психоанализа, так же как и самого его автора.

системы психического, ее структуры, динамики и развития» [6. С. 248].

Постмодернистские подходы в западной психологии, такие как «социальный конструктивизм», критическая социальная психология, также предельно заостряют роль и значение общения не только для социальных процессов, но и для индивидуально-психологических. К. Герген [21] утверждает, что в психологии произошла «вторая революция» (первой была когнитивная). Суть этой революции, по его мнению, заключается в преобразовании тезиса Р. Декарта: «*Cogito ergo sum*» («Я мыслю, следовательно, существую») в «*Communicamus ergo sum*» («Мы общаемся, следовательно, я существую»).

Констатация и утверждение в психологии положения о центральном значении коммуникации привели к созданию и оформлению теоретических концепций, в которых таким понятиям, как общение, взаимодействие, коммуникация, придается системообразующее значение [3, 4]. Одним из таких наиболее разработанных и теоретически оформленных подходов является коммуникативный подход В.И. Кабрина [2, 3]. В его основе лежат два принципиальных теоретических положения:

1. Понятия «коммуникация», «коммуникативность», «коммуникабельность» значительно расширены по сравнению с теми же понятиями в традиционной западной и отечественной психологии. Так, под коммуникацией автор понимает «универсальный информационно-энергетический смысло-творческий процесс» [3. С. 31]. «Коммуникативность как интегральная характеристика личности имеет значительно большую глубину и радиус действия, нежели принято думать: в нее может включаться генетический опыт прошлых поколений и жизней, ключ к которому в обычных условиях чаще всего недоступен» [3. С. 8]. «Важно, что в феномене и понятии коммуникации главное – это передача информации, имеющей жизненный смысл» [3. С. 7].

2. Вводится понятие транскомуникации, под которой понимается «возможность человека общаться с более сложными и менее сложными системами, чем он сам, как обратимые переходы и новые синтезы между разными видами, формами, уровнями и мирами человеческой коммуникации», как процесс, в котором возможна интеграция многообразных и разноуровневых отношений человека: я – другой – группа – общество – современная действительность – традиция – культура. «Транскомуникация – это процесс общения между инаковыми и разнопорядковыми субъектами в интра- и интерперсональных планах; это сверхдинамичный смыслообразующий процесс гармонизации разноуровневых миров человека, открывающий в нем смысловое единство микро- и макрокосмоса» [2. С. 54].

Подводя итог проведенному анализу содержания и соотношения понятий «природа человека», «сущность человека», «путь реализации сущности человека», можно сделать следующие выводы:

1. *Природа* человека двоякая: он одновременно и представитель вида («животное», биологическое начало), и представитель рода (человеческое, «божественное» начало) человек.

2. Эта противоречивость природы человека порождает два основных возможных *модуса существования* человека: модус сохранения (в рамках которого реализуется «животное» начало) и модус развития (в рамках которого реализуется собственно человеческое начало).

3. *Сущностным* (должным) модусом признается модус развития. «Эволюция человека основывается на том факте, что он утратил свой первоначальный дом – природу – и что он никогда не сможет вернуться в него, никогда не сможет снова стать животным. Для него существует только один путь: полностью выйти из своего природного дома, найти новый дом – тот, который он создает, очеловечивая мир и становясь сам настоящим человеком» [15. С. 11].

4. Реализация, осуществление того или иного начала человека происходит в процессах *коммуникации* человека с Миром. Можно предположить, что коммуникация человека в модусе сохранения и в модусе развития имеет существенные различия.

5. Основное противоречие существования человека является принципиально непреодолимым в течение человеческой жизни, что, в свою очередь, порождает бесконечную сложность и противоречивость реального коммуникативного процесса человека.

2. Коммуникация и транскомуникация

Логическое развитие двух последних выводов, сформулированных выше, требует конкретизации тех типов и характерных особенностей коммуникации, в которых реализуются два основных модуса существования человека – модус сохранения и модус развития. Основные различия двух типов коммуникации впервые были сформулированы в диалогических концепциях экзистенциальной философии. Как бы ни называли мыслители тот способ взаимодействия, который единственный дает возможность осуществления подлинного себя, – диалог (М.М. Бахтин), «Я–Ты» отношения (М. Бубер), глубинное общение (Г.С. Батищев), любовь (А. Швейцер, Э. Фромм, В. Франкл), все они говорят об одном и том же:

1. Эти отношения по своей природе противоположны вещным, объектным отношениям. «Логической противоположностью любви является ненависть или, иначе говоря, Эросу противостоит Фобос (страх); психологически это, однако, означает волю

к власти. Где господствует любовь, там отсутствует воля к власти, и где преобладает власть, там отсутствует любовь. Одно есть тень другого» [20. С. 59].

2. В этих отношениях главным является не только признание, но и утверждение «инаковости» другого. «Все его могущество заключается в бытии другим... Положив дружость другого как тайну... я не полагаю ее как свободу, тождественную моей и находящуюся в борьбе с ней; я полагаю не иного существующего, противостоящего мне, но дружость» [5. С. 83].

3. Необходимым результатом таких отношений является обогащение двух сущностей моментом события, встречи, достижение подлинности своего существования. «Во взаимном отказе от любви, во взаимоотношениях, основанных на принципе «дать – взять», собственная личность каждого замыкается сама в себе. Импульс любви прорывается к тому слою существа, в котором каждый отдельный человек уже представляет больше не «тип», а самого себя, несравнимого, незаменимого и обладающего всеми достоинствами своей неповторимости. Это достоинство есть достоинство ангелов, в отношении которых схоластика утверждала, что они не представляют вид; скорее существует один экземпляр каждого вида» [14. С. 256].

Эти философские идеи о двух типах коммуникации, являющихся онтологическим основанием, конституирующим человека в его нисходящем (сохраняющем) и восходящем (развивающем) модусах существования, получили развитие и конкретизацию в многочисленных психологических исследованиях. Так, в психологию вводятся понятия субъект-объектного и субъект-субъектного общения [16], исследуются наиболее общие психологические признаки этих двух типов коммуникации, разрабатываются представления о тех формах коммуникации, коммуникативных стратегиях и приемах, в которых реализуется тот или иной тип общения.

Излагая теоретические представления в области психологии коммуникации, пока нигде и никто не упоминал и не использовал понятие транскоммуникации, хотя именно эта категория, как уже говорилось выше, является центральной объяснительной категорией в коммуникативном подходе. Возникает вопрос, что объясняет это понятие и почему именно на нынешнем этапе развития психологии возникла необходимость его введения в научный контекст? Собственно, именно этот вопрос, а точнее, поиск ответа на него и является главной задачей проводимого на этих страницах исследования.

Как это всегда бывает в науке, необходимость введения любой новой категории или понятия обуславливается двумя встречными движениями: с одной стороны, накапливаются эмпирические факты, не укладывающиеся в «старые» научные модели, с другой стороны, становятся явными, актуализируются

теоретические идеи и гипотезы, которые уже были сформулированы, но еще не нашли воплощения в конкретных исследованиях. Каковы же эти факты и идеи? При рассмотрении проблемы существования человека в гносеологических рамках диалектики «выбора» между нисходящим (сохраняющим) и восходящим (развивающим) модусами, а значит, и двух основных типов коммуникации (субъект-объектной и субъект-субъектной) и соответствующих им видов и форм общения как отдельных, самостоятельных и независимых друг от друга понятие транскоммуникации оказывается излишним. Однако уже самими исследователями, работающими в логике этой дуальности, отмечается, что выделенные типы и формы коммуникации, виды коммуникативных стратегий и коммуникативных позиций являются скорее абстракциями, идеальными моделями, хотя и необходимыми для осуществления научного анализа и проведения исследований, но тем не менее предельно упрощающими реальный процесс коммуникации. Использование какой-либо одной, пусть даже и очень «хорошей, продуктивной и развивающей» коммуникативной стратегии невозможно не только в течение длительного периода общения с разными партнерами, но даже в достаточно кратковременных коммуникативных ситуациях с одним и тем же партнером.

Тезисно обозначив данные, которые не укладываются в существующую в психологии дихотомическую модель коммуникации, обратимся теперь к тем теоретическим представлениям, которые открывают возможность новых, уже обозначенных, но еще недостаточно изученных аспектов психологии человеческого существования. К этим представлениям, прежде всего, следует отнести положение о принципиальной невозможности преодолеть в течение человеческой жизни базовое противоречие, заложенное в самой природе человека, а значит, имманентное жизни, бытию. Э. Фромм формулирует это противоречие как альтернативу между регрессом и прогрессом, между возвращением к животному существованию и переходом к существованию человеческому. «Мы никогда не свободны от двух конфликтующих тенденций: первой – пробуждения из тьмы, от животной формы к более человеческой форме существования, от рабства к свободе; второй – возвращения к тьме, природе, к определенности и безопасности» [15. С. 15].

Альберт Швейцер находит еще один фактор, который детерминирует противоречивость самого существования человека – это неизбежность «жизни» рядом, вместе с «другой жизнью». В своей «Этике благоговения перед жизнью» он выдвигает следующий центральный для своей концепции тезис: «Я есть жизнь, которая хочет жить, я есть жизнь среди жизни, которая хочет жить» [19. С. 251]. Эта неизбежность порождает противоречие между внутренним побуждением к

самоотречению ради другой жизни и необходимостью самоутверждения. «В тысячах форм моя жизнь вступает в конфликт с другими жизнями. Необходимость уничтожить жизнь или наносить вред ей живет также и во мне... Чтобы сохранить свою жизнь я должен огрaдить себя от других жизней, которые могут нанести мне вред» [19. С. 263]. Несмотря на то, что «этическим человек становится благодаря стремлению сохранять и развивать жизнь, одновременно сопротивляясь необходимости уничтожения жизни», каждый из нас ежедневно, ежечасно, ежеминутно стоит перед сложнейшим выбором – «в какой степени он может остаться этическим и в какой степени он может подчиниться необходимости уничтожения или нанесения вреда жизни и в какой мере, следовательно, он может взять за все это вину на себя» [19. С. 263].

Каждый человек вправе решать, насколько он может следовать этому. Все зависит от личного чувства ответственности перед судьбой других жизней, но в чувстве ответственности заложено чувство вины, совести. Главное, пишет А. Швейцер, «услышать этот конфликт чувства самоотречения и необходимости самоутверждения. Тогда человек будет жить в согласии с истиной. Чистой совести у истинно мыслящего человека быть не может, чистая совесть есть изобретение дьявола» [18. С. 274].

Таким образом, если для Э. Фромма главной проблемой существования человека является проблема выбора, то А. Швейцер уже смещает акцент с проблемы выбора (хотя не отрицает ее), на проблему осознания человеком самого конфликта своего существования. Движение философской мысли в этом направлении привело к созданию «новой диалектики», выраженной в «абсолютной мифологии» А.Ф. Лосева. Если предыдущие концепции философской (как, впрочем, и психологической) мысли в понимании человека исходили из двойственности материального и духовного, субъекта и объекта, то А.Ф. Лосев исходит из уже осуществленного единства, неразрывной связи идеи и вещи, человека и мира, которая воплощается в понятии «жизнь». Только на этом пути, как он считает, можно решать вопросы свободы и необходимости, существующего и должного, вечного и преходящего. Именно в этом изначальном единстве заключено напряжение самой жизни реально живущего человека, драматизм человеческого существования: «...противоречие есть жизнь и жизнь есть противоречие, ждущее синтеза» [7. С. 239, 241]. Если прошлая философия ставила человека в противоречивую ситуацию и заставляла его мучительно выбирать «или – или», то диалектика А.Ф. Лосева помогает человеку не выбирать, но – жить в противоречиях. И если прошлая психология решала традиционные вопросы импульсов, механизмов и направленности развития, то новая психология должна ответить на вопрос о том, каковы те пси-

хологические процессы, которые обеспечивают и реализуют эту уникальную способность человека – способность жить в противоречиях.

Одной из немногих теоретических концепций в психологии, не только ставящих этот вопрос, но и пытающихся его решить, является коммуникативный подход В.И. Кабрина [2, 3]. Переводя принцип противоречивости человека и его существования как имманентного свойства на психологический уровень анализа, в этом подходе постулируется принципиальная инаковость не только человека и мира, человека и другого, но и инаковость, разнонаправленность внутренних психологических образований: мотивационных, структурных, ментальных, смысловых, ценностных. А раз это так, то именно коммуникация (внешняя и внутренняя), понимаемая как обмен жизненно значимой информацией между инаковыми и разнопорядковыми субъектами, является способом существования человека в этом мире, а коммуникабельность, как способность осуществлять этот обмен, – базовой психологической характеристикой человека.

Коммуникабельность выражается в открытости, аутентичности и конгруэнтности, т.е., с одной стороны, в способности к подлинному предъявлению себя миру и самому себе, с другой стороны, в открытости для восприятия «жизненно значимой информации», постоянно витающей в мире, но часто не отражаемой и не осознаваемой человеком. Именно поэтому коммуникабельность является основой и центрального для личности человека транскоммunikативного процесса, главным результатом которого является открытие, порождение новых смыслов и интеграция и гармонизация на этой основе «разноуровневых миров человека».

Как утверждает В.И. Кабрин [2], настоящее, действительное существование человека транскоммunikативно по своей природе и «переживается (но редко осознается) в ежесекундных трансценденциях за пределы» определенностей и фиксированностей (означающих окончательность выбора). Ведь «сама жизнь – это такой транзитный процесс, в котором фиксация (дистанции, темы, позиции, роли, знака, отношения) равносильна паузе». Жизнь – это всегда процесс «развития и пере-живания многообразного информационного транзита и трансформации, метаморфоз и трансмутаций событий...» [2. С. 54]. Транскоммunikация поэтому всегда неоднозначный, незаданный, сверхдинамичный, творческий и саморазвивающийся процесс, главной функцией которого является функция трансцендирования и интеграции человека на новом уровне как во внешнем, так и во внутреннем, психологическом, его мире. Эмпирическим признаком транскоммunikации является уникальное единство или соотношение взаимности и избирательности. Именно это двойное противоречие делает коммуникацию самораз-

вивающимся и развивающим процессом. «Постоянное смыслообразование, смысловое творчество как процесс разрешения двойного противоречия жизни непрерывно «вы-

талкивает» коммуникативный процесс из его прежнего русла на непредсказуемый часто поиск нового русла, нового модуса общения со средой» [2. С. 51].

Литература

1. Братусь Б.С. Российская психология на перепутье // Начала христианской психологии / Под ред. Б.С. Братуся, В.Л. Воейкова, С.Л. Воробьева и др. М.: Наука, 1995. 340 с.
2. Кабрин В.И. Коммуникативный мир и транскомуникативный потенциал жизни личности: теория, методы, исследования. М.: Смысл, 2005. 248 с.
3. Кабрин В.И. Транскомуникация и личностное развитие. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1992. 256 с.
4. Ключко В.Е. Самоорганизация в психологических системах: проблемы становления ментального пространства личности (введение в транспективный анализ). Томск: Томский государственный университет, 2005. 174 с.
5. Левинас Э. Избранное: тотальность и бесконечное. СПб.: Университетская книга, 2000. 415 с.
6. Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1984. 444 с.
7. Лосев А.Ф. Философия. Мифология. Культура. М.: Политиздат, 1991. 524 с.
8. Лосев А.Ф. Миф – Число – Сущность. М.: Мысль, 1994. 919 с.
9. Новейший философский словарь: 3-е изд., испр. Минск: Книжный дом, 2003. 1280 с.
10. Орлов А.Б. Личность и сущность: внешнее и внутреннее Я человека // Вопросы психологии. 1995. № 2. С. 5–19.
11. Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. М.: Изд-во АН СССР, 1957. 328 с.
12. Слободчиков В.И. Психология человека только начинает складываться // Психология и этика: опыт построения дискуссии. Самара: Бахрах, 1999. С. 62–67.
13. Тульчинский Г.Л. О существенном // Мысль: Философия в преддверии XXI столетия: Сб. статей. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1997. С. 114–139.
14. Франкл В. Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990. 366 с.
15. Фромм Э. Человеческая ситуация. М.: Смысл, 1995. 126 с.
16. Хараш А.У. Личность в общении // Общение и оптимизация совместной деятельности. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1987. С. 30–41.
17. Хьелл Л., Зиглер Д. Теории личности. СПб.: Питер Пресс, 1997. 608 с.
18. Швейцер А. Я защищал то, во что верил... // Человек. 2000. № 1. С. 109–122.
19. Швейцер А. Культура и этика. М.: Прогресс, 1973. 343 с.
20. Юнг К. Сознание и бессознательное. СПб.; М.: Университетская книга, 1997. 538 с.
21. Gergen K. Realities and relationships. Soundings in social construction. Harvard: University Press, 1994.

CATEGORY OF COMMUNICATION IN THE SOLUTION OF HUMAN BEING ESSENCE PROBLEM

O.I. Muravjeva (Tomsk)

Summary. There is a problem of human being essence analyzed in the work. Overcoming the substantialist approach to the understanding of the category of «essence», the author postulates and proves the idea of three parts of human being essence: «human nature» (an available part), «sense or idea of human being» (a due part), «ways of human being sense realization» (a possible part). Analyzing the last part in detail, the author asserts, that human being sense realization (human being formation) takes place within the context of such concrete psychological process as the process of communication.

Key words: essence, human being essence, human being nature, human being sense, communication, transcommunication.